РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ
REFLECTIONS, COMMUNICATIONS, COMMENTS

DOI: 10.31249/rsm/2022.01.12

О.И. Киянская

«ЛИБЕРАЛЬСТВУЮЩИЙ АРИСТОКРАТ»: К БИОГРАФИИ ИВАНА МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА

Аннотация. *В статье анализируется биография И.М. Муравьева-Апостола, отца трех декабристов: Матвея, Сергея и Ипполита. Рассматривается его деятельность как литератора, дипломата и сенатора. Автор статьи обращает внимание на «Письма из Москвы в Нижний Новгород» И.М. Муравьева-Апостола, которые публиковались в 1813–1815 гг. в журнале «Сын отечества». Делается вывод о несоответствии публицистической позиции повествователя с повседневной деятельностью автора «Писем».*

При рассмотрении особенностей дипломатической службы И.М. Муравьева-Апостола автор статьи анализирует причины, по которым он был вынужден уйти с нее. Причины эти усматриваются в неготовности дипломата принимать самостоятельные решения и брать на себя ответственность. Рассказывается также о службе И.М. Муравьева-Апостола в Сенате и в Главном правлении училищ. Автор считает, что несмотря на репутацию либерала, которую имел сенатор среди современников, в служебных делах он ориентировался прежде всего на мнение высшей власти и самостоятельной роли в политической жизни не играл. В основе всех поступков И.М. Муравьева-Апостола лежало жизненное кредо: «Пока я жив, хочу наслаждаться».

Особое внимание в статье уделяется взаимоотношениям И.М. Муравьева-Апостола с сыновьями-декабристами. Делается вывод о том, что несмотря на выраженную в письмах семейную идиллию, в основе этих взаимоотношений лежал политический и личный конфликт. Отец был эгоистом, его отношение к детям не выходило за рамки светских приличий. Он ничего не сделал для того, чтобы трагедии в его семье не произошло.

Ключевые слова: *И.М. Муравьев-Апостол; «Письма из Москвы в Нижний Новгород»; дипломатическая служба; Сенат; декабристы.*

Киянская Оксана Ивановна – доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ); ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: kianoks@inbox.ru
Web of Science Researcher ID: H-8120–2013
Scopus Author ID: 57212137038

Kiyanskaya O.I. «The Liberal Aristocrat»: To the biography of Ivan Murav'ev-Apostol

Abstract. *The article analyzes the biography of I.M. Murav'ev-Apostol, the father of three Decembrists: Mathew, Sergey and Hippolit. The author of the article examines his activities as a writer, diplomat, and senator. The author also pays attention to the «Letters from Moscow to Nizhny Novgorod» by I.M. Murav'ev-Apostol, which were published in the journal «Syn otechestva» in 1813–1815. The conclusion is made about the discrepancy between the publicist position of the narrator and the daily activities of the author of «Letters».*

When examining the peculiarities of I.M. Murav'ev-Apostol's diplomatic service, the author draws attention to the reasons why he was forced to leave the diplomatic service. These reasons are seen in the unreadiness of the diplomat to make independent decisions and take responsibility. The article also refers to the service of I.M. Murav'ev-Apostol in the Senate and the General Board of schools. The author believes that despite the reputation of a liberal, which the senator had among his contemporaries, in official matters he was guided primarily by the opinion of the Emperor and did not play an independent role in political life. At the heart of all of I.M. Murav'ev-Apostol's actions was the credo of life: «As long as I live, I want to enjoy life».

Particular attention in the article is paid to the relationship of I.M. Murav'ev-Apostol with his sons who were Decembrists. The author of the article concludes that despite the family idyll expressed in the letters, we can see a political and personal conflict between the father and his sons. The father was selfish, his attitude toward his children was not beyond the bounds of secular decency.

Keywords: *I.M. Murav'ev-Apostol; «Letters from Moscow to Nizhny Novgorod»; Foreign Service; Senate; Decembrists.*

Kiyanskaya Oksana Ivanovna – Doctor of Historical Sciences,
Professor, Russian State University for the Humanities (RGGU);
Leading Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
Russia, Moscow.
E-mail: kianoks@inbox.ru
Web of Science Researcher ID: H-8120–2013
Scopus Author ID: 57212137038

Отец троих декабристов – Матвея, Сергея и Ипполита – Иван Матвеевич Муравьев (с 1801 г. – Муравьев-Апостол) издавна интересовал и до сих пор интересует исследователей [Кубасов 1902; Кубасов 1903; Кузьменко 1964; Кошелев 2002; Трошина 2007 и др.]. И на то есть причины: екатерининский придворный, дипломат, государственный деятель эпохи Александра I, он прославился и как писатель.

И.А. Кубасов, один из первых исследователей его творчества, утверждал, что Иван Муравьев был «выдающимся человеком», «замечательным в истории русской культуры» [Кубасов 1902, с. 87–88]. Много написано о широте его «культурных интересов», о том, что он «обладал литературным вкусом, философским складом ума, являлся признанным критиком, оратором». Исследователи признают, что без «основательного изучения» его биографии невозможно «создание наиболее полной картины развития русской литературы» [Эйдельман 2001, с. 135; Трошина 2007, с. 3, 8].

Иван Муравьев – сын Матвея Артамоновича Муравьева, военного инженера, генерала, известного в XVIII в. борца с коррупцией и всякого рода несправедливостями – родился 1 октября 1767 г. Его мать Елена Петровна, урожденная Апостол, внучка последнего избранного украинского гетмана Даниила Апостола, скончалась вскоре после родов.

Возраст, прогрессирующая болезнь, долги, «обиды» от сильных мира сего заставили отца будущего писателя «думать, кому поручить сына своего». В итоге выбор пал на семейство Нарышкиных: опекунами Ивана Муравьева стали знаменитый екатерининский придворный «шут» и «балагур» Лев Нарышкин и его жена. «Весма тем был доволен, благодарил Бога», – писал в мемуарах Муравьев-старший [Муравьев 1994, с. 68–69].

Матвей Артамонович выбрал сыну хороших опекунов: их близость ко двору позволяла молодому человеку рассчитывать на карьеру гораздо лучшую, чем та, которую ему мог обеспечить всеми гонимый инженер-правдолюб. Нарышкин был меценатом, самостоятельно отыскивал и приближал к себе «литераторов, обративших на себя внимание публики, остряков, людей даровитых, музыкантов, художников» [Булгарин 2001, с. 91]. Он дружил с масоном и журналистом Николаем Новиковым. Нарышкину и его супруге посвящал стихи Державин. С юности Ивана Муравьева окружали литераторы.

Очевидно, что именно Нарышкины дали воспитаннику соответствующее домашнее образование. Кроме того, литературный дебют Муравьева – он дебютировал в печати в 1778 г. в возрасте десяти лет переводом сочинения маркиза ла Шетарди «Наставление знатному молодому господину, или Воображение о светском человеке» [Ла Шетарди 1778, с. 1] – вряд ли мог состояться без посторонней помощи.

Мемуарист Филипп Вигель называл Муравьева «либеральствующим аристократом», «умным, но легкомысленным» человеком, который – «кажется» – «убеждений, собственных мыслей не имел» [Вигель 2003, с. 976].

Вигель неправ: собственные мысли у Муравьева, конечно, были. Однако от Льва Нарышкина Иван Матвеевич перенял главное качество, позволившее ему долго и относительно безбедно существовать и в службе, и в литературе: умение лавировать между враждующими группировками. Нарышкин сумел

сохранить расположение и Петра III, и Екатерины II, ненавидевшей своего мужа и вступившей на престол после дворцового переворота. В ходе переворота Петр III лишился не только российской короны, но и жизни.

Образом жизни Иван Матвеевич тоже был похож на Нарышкина, который, по воспоминаниям Фаддея Булгарина, приказывал каждый день накрывать в своем доме стол «на пятьдесят и более особ. Являлись гости, из числа которых хозяин многих не знал по фамилии, и все принимаемы были с одинаковым радушием. Кто умел блеснуть остроумием или при случае высказывал свой ум и познания, тот пользовался особой милостью хозяина, и того он уже помнил» [Булгарин 2001, с. 91, 93].

Иван Матвеевич же главную мировоззренческую установку сформулировал в 1811 г.: «пока живу, хочу наслаждаться» [Державин 1871, с. 376]. Образом жизни он быстро стал похож на Льва Нарышкина.

Тем более, что судьба послала ему большие богатства. В 1801 г. от своего двоюродного брата Михаила Апостола он получил вторую часть фамилии и – в подарок – имение Бакумовку в Миргородском уезде Полтавской губернии [ГАРФ. Ф. 1002. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 21–21 об.]. Кроме того, большое приданое он получил за второй женой, Прасковьей Грушецкой, на которой женился в 1812 г. [Материалы 2016, с. 737]. Еще пять лет спустя, после смерти Апостола, Иван Матвеевич получил наследство: крупное поместье, состоящее из 13 тыс. десятин земли и 4 тыс. крепостных «душ»; центром поместья была усадьба Хомутец. Располагался Хомутец в 5 км от Бакумовки.

Разбогатев, Иван Матвеевич стал жить «роскошно». Он выписал из Испании в Хомутец метрдотеля, который «то на французском, то на немецком языке» объяснял гостям состав блюд, а с хозяином говорил по-испански.

Муравьев-Апостол завел «большую гостиную», которая «вмещала в себе кабинет и его обширную библиотеку, и рояль, и разные игры, и камин, вокруг которого усаживались обыкновенно и гости, и хозяева, беседуя или читая вслух, а большею частью слушая чудное пение самого хозяина и дуэты с прекрасною его дочерью» [Бибикова 1916, с. 408; Капнист-Скалон 2008, с. 374–375]. «Наслаждения» требовали больших денег: в 1826 г. выяснилось, что имения Прасковьи Муравьевой-Апостол в Рязанской губернии заложены в Опекунский совет, ее долг совету составлял 132 400 руб.

* * *

Частью «наслаждений» Ивана Матвеевича были литературные занятия. Современники отдавали должное его знаниям, языковым способностям. Но Муравьев занимался литературой от случая к случаю, это был лишь «способ приятного времяпрепровождения во время вынужденной отставки» [Кошелев 2002, с. 201].

В начале 1790-х годов Иван Матвеевич – по модной в конце XVIII в. теории «склонения» иностранных пьес «на наши нравы» – перевел «Школу злословия» Ричарда Бринсли Шеридана и «Ночь ошибок» Оливера Голдсмита (в переводе Муравьева – «Ошибки, или Утро вечера мудренее»); обе они были поставлены в придворном Эрмитажном театре. Пьесы были не столько переводами, сколько «переделками» английских оригиналов. Английские фамилии героев были заменены на русские, «говорящие», местом действия стала Россия, обсуждали герои насущные российские проблемы – такие, какими их видел переводчик.

После этих первых опытов литературное творчество отошло на второй план: Иван Матвеевич делал карьеру. Свободное время появилось у него со второй половины 1805 г., после вынужденной отставки, и он снова занялся переводами. Теперь Иван Матвеевич стал эллинистом: переводил Горация, составлял комментарии к его текстам.

Переводы открыли Ивану Матвеевичу дверь в большую литературу: в 1811 г. он вступил в «славенофильское» литературное общество – «Беседы любителей русского слова» – и вскоре стал одним из главных деятелей «Беседы». Состоя в «Беседе», в 1815 г. стал почетным членом противостоявшей ей литературной группировки – европейски ориентированного «Арзамаса».

На самом же деле Муравьев-Апостол не сочувствовал ни «Беседе», ни «Арзамасу». Он скептически относился к творчеству Василия Жуковского, одного из основателей «Арзамаса», считал его литературную репутацию неоправданной. К Александру Шишкову, идеологу «Беседы», требовавшему замены в русском языке иностранных слов на слова с древнерусскими корнями, он тоже относился с иронией [Громова 1974, с. 114–115]. Исследователи давно пришли к выводу, что Иван Матвеевич «не присоединился ни к единомышленникам Шишкова, ни к его противникам» [Кузьменко 1964, с. 26].

Лавирование между «Арзамасом» и «Беседой» способно было принести – и принесло – немалые плоды: Иван Матвеевич был знаком и поддерживал дружеские связи с большинством литераторов эпохи. Кроме «Беседы» и «Арзамаса» он входил в несколько других крупных литературных объединений, а в 1840-х годах стал почетным членом Академии наук.

«Письма из Москвы в Нижний Новгород», публицистическое сочинение Муравьева-Апостола, публиковалось в 1813–1815 гг. в журнале «Сын отечества». Затем, в 1821 г., вышел его перевод «Облаков» Аристофана, а два года спустя – «Путешествие по Тавриде в 1820 г.» – научно-популярный текст, повествующий о крымских «древностях» и тепло встреченный читателями. Иван Матвеевич переводил и комментировал письма Цицерона, которые, однако, в полном виде печати не увидели [Трошина 2007, с. 69–70]. На смерть Александра I откликнулся элегией на древнегреческом языке, а в 1840-х годах снова вернулся к Горацию.

Главное произведение Ивана Муравьева-Апостола – «Письма из Москвы в Нижний Новгород» – публиковалось анонимно, но имя автора было, конечно, известно в литературных кругах. Важность этих писем в том, что в них – в первый и единственный раз в своем творчестве – Иван Матвеевич высказывается не по поводу «древностей», а почти исключительно по поводу современных ему событий.

Основной темой этого публицистического произведения, публиковавшегося в разгар Заграничных походов, стала борьба с Наполеоном. Возвратившийся в послепожарную Москву повествователь, стоя на ее развалинах, чувствует вполне обоснованную «ненависть к извергам-французам» [Муравьев-Апостол 2002, с. 5, 8]. Кроме того, Муравьев-Апостол, «горячий патриот», обсуждал и внутренние российские проблемы. Он «старался доказать, что вся ложь и зло в нашем обществе происходят от отсутствия у нас общественного и национального самосознания» [Кубасов 1902, с. 98].

Но, анализируя «Письма из Москвы в Нижний Новгород», и Кубасов, и многие другие исследователи совершают ошибку: они ставят знак равенства между повествователем – главным героем «Писем» – и самим Муравьевым-Апостолом. Между патриотическими пассажами повествователя и реальными действиями автора «Писем из Москвы в Нижний Новгород» мало общего.

Так, едва ли не главной в «Письмах» была педагогическая составляющая; современники даже иронически называли Ивана Матвеевича «новым Локком», по имени философа и педагога XVII в.

Повествователь яростно агитирует против французского воспитания молодых русских дворян. Он упрекает родителей, дети которых «в 10 лет… забыли то, что они научились русского языка от кормилиц своих» и «даже Богу молиться не умеют иначе, чем по французскому молитвеннику» [Муравьев-Апостол 2002, с. 17]. Однако собственные семеро детей Ивана Матвеевича, из них трое сыновей, Матвей, Сергей и Ипполит, росли в Париже, под присмотром матери.

«Письма» наполнены упреками в адрес родителей-дворян, которые, воспитав детей, с трудом говорящих на родном языке, «нашли легчайший способ исполнить долг отцовский»: «мальчика, как можно ранее, нарядить в офицерский мундир, а девочку, как можно скорее, вывозить на бал». «Два таких поколения, и чего ожидать? – Того, что мы часто видим: русских не русских», – негодовал повествователь [Муравьев-Апостол 2002, с. 17].

Повествователь был противником раннего вступления дворянских детей в службу: считал, что «в 15 лет», «в такие нежные лета», мальчики еще не могут быть «угодными Отечеству слугами» [Муравьев-Апостол 2002, с. 36–37]. Но собственных сыновей Иван Матвеевич одел в мундиры почти сразу же после их возвращения в Россию: семнадцатилетний Матвей и пятнадцатилетней Сергей отправились учиться в Институт Корпуса инженеров путей сообщения, с момент поступления в Институт они считались на действительной службе.

Дочери автора «Писем» тоже не могли похвастаться отцовским вниманием: одна из них, Екатерина, по приезде из Парижа стала фрейлиной сестры царя, великой княгини Екатерины Павловны [Несмеянова 2019, с. 12]. Две другие, Анна и Елена, отправились в Смольный институт благородных девиц [Муравьев-Апостол 1922, с. 73]. Младшего же сына, четырехлетнего Ипполита, отец оставил на воспитание своей родственнице Екатерине Федоровне Муравьевой, вдове двоюродного брата Михаила Никитича Муравьева.

Повествователь-патриот клеймил французов за излишнее увлечение математикой: «В этом народе давно сердце высохло; не в состоянии более производить Расинов, он гордится теперь Кондорсетами». Противопоставляя драматурга Расина математику-философу Кондорсе, повествователь утверждает, что математические науки ведут к «неверию» и – в итоге – «раскрывается… летопись революции, начертанная кровию человеческою» [Муравьев-Апостол 2002, с. 40].

Но сам Иван Матвеевич явно не был противником математического образования. Сын военного инженера, в 1807 г. Муравьев-Апостол, будучи посланником в Испании, пригласил в Россию Августа Бетанкура, знаменитого испанского инженера. Именно Бетанкур основал и возглавил Институт Корпуса инженеров путей сообщения, куда Иван Матвеевич отправил учиться старших сыновей. Естественно, что учебный план Института на 90% состоял из математических дисциплин.

В 1825 г. третий сын Ивана Матвеевича, Ипполит, окончил Училище колонновожатых – сложнейшее военно-математическое учебное заведение, готовившее квартирмейстерских офицеров.

* * *

Завистливым современникам Иван Матвеевич, по его собственным словам, казался «любимцем счастия» [Державин 1871, с. 298]. Первый прорыв в его карьере случился в начале 1790-х годов: он, «любезник и красавец» [Вигель 2003, с. 976], был приглашен ко двору императрицы Екатерины II. При дворе Иван Матвеевич стал воспитателем великого князя Константина Павловича, а затем, когда Константин женился, был произведен в камергеры к великому князю и «награжден 6000 рублями и ежегодным по смерть пенсионом по 2000 рублей» [Трошина 2007, с. 22].

Российская придворная жизнь конца века определялась, как известно, конфликтом стареющей государыни с ее взрослым наследником, цесаревичем Павлом Петровичем. Иван Матвеевич же сумел поладить и с государыней, и с ненавидимым ею наследником. Когда после смерти Екатерины Павел взошел на престол, карьера Ивана Матвеевича не прервалась.

Через месяц после воцарения Павла Иван Матвеевич получил первый дипломатический пост: стал русским посланником в немецком городе Эйтине

(декабрь 1796 г.). Вскоре он занял и другие должности: в июне 1798 г. Павел соединил эйтинскую миссию с миссией в Нижнесаксонском округе – объединении нескольких немецких земель.

Традиционно считается, что Муравьев был российским посланником в Гамбурге; это неточно. Кроме Гамбурга, в округ входили и другие города и государственные образования: Любек, Бремен, Гослар, духовное Любекское епископство и др. Объединив миссии, император Павел «заблагорассудил» «аккредитовать» при миссиях в Эйтене и «Нижнем Саксонском округе» «в качестве нашего чрезвычайного посланника и полномочного министра с жалованьем по шести тысяч рублей в год» «господина камергера Муравьева» [АВПРИ МИД. Ф. 45. Оп. 45 / 1. 1798 г. Д. 634. Л. 2, 3].

Поскольку многие земли, входившие в округ, принадлежали датской короне, к этой должности Ивана Матвеевича вскоре добавился и пост посланника в Копенгагене (1799).

Но местом постоянного пребывания Муравьева действительно оказался вольный, суверенный и самоуправляемый город Гамбург.

Отношения с Наполеоном и его предшественниками оказались главной внешнеполитической сложностью конца 1790-х годов. После революции и казни в 1793 г. короля, Людовика XVI, во Франции сменилось несколько правительств; на момент воцарения Павла исполнительная власть принадлежала состоявшей из пяти человек Директории; в 1799 г. ее сменил Консулат. С событиями, происходившими во Франции, были вынуждены считаться и российские, и европейские правители.

Иван Матвеевич был настроен антифранцузски. Но никакой самостоятельной роли во внешней политике гамбургский посланник не играл. Он всецело ориентировался на Петербург и четко следовал полученным указаниям.

Так, французский историк А. Тьер в «Истории консульства и империи во Франции» рассказывает, в частности, о том, как в 1800 г. первый консул Наполеон Бонапарт, желая нормализовать отношения с Россией, решил возвратить на родину содержавшихся во Франции русских пленных – «в знак уважения своего к русскому войску, которое французы научились ценить и уважать на поле брани». Письмо об этом Талейран, французский министр иностранных дел, послал в Петербург через гамбургское посольство. Ивану Матвеевичу его передал – для доставки русскому императору – французский посланник при датском дворе.

Но план первого консула едва не был сорван. Муравьев – «на основании прежних предписаний» Петербурга, строго запрещавших русским дипломатам «вступать в сношения с представителями Французской республики» – отказался передавать письмо. Впрочем, он прочел послание и «изъяснил» его содержание в донесении в столицу [Тьер 1846, с. 77–78].

И даже там, где, казалось бы, Иван Муравьев проявлял не предусмотренную инструкциями человечность, – он все равно исполнял высочайшие распоряжения.

Так, его сын Матвей рассказывал в мемуарах, как отец взял под свое покровительство некоего французского эмигранта, выдачи которого требовало французское правительство, а «сенат гамбургский» уже «готовился выдать жертву, обреченную на смерть». Русский посланник «выпроводил» эмигранта «в Петербург» несмотря на то, что «в инструкциях, данных батюшке об эмигрантах, не было вовсе о том упомянуто». За это самовольство посланник «ожидал быть отозванным или получить наистрожайший выговор». Однако Павел «остался совершенно доволен заступничеством, оказанным эмигранту». Император нашел, что «г-н Муравьев действовал по-божески» [Муравьев-Апостол 1922, с. 18].

Матвей не знал, конечно, что, согласно инструкции, данной в 1797 г. императором послу в Берлине Никите Панину, другу Ивана Матвеевича, российским дипломатам предписывалось «отвращать» «всякие замашки французские во вред и пагубу их одноземцев, учинившихся жертвою приверженности их к законному своему государю». При возникновении же конфликтных ситуаций, связанных с эмигрантами, следовало дать понять, что Россия стремится предоставить «спокойное убежище несчастным, кои по разнообразию мыслей с правлением, вновь ныне во Франции наставшем, опасаясь мщения, ищут одной только для себя безопасности» (цит. по: [Иголкин 2010, с. 85]). Посланник в Гамбурге, в отличие от собственного сына, о содержании инструкции почти наверняка знал.

За спасение эмигранта Иван Матвеевич получил Кавалерский орден Святой Анны I степени [Трошина 2007, с. 22].

Впрочем, дома, за закрытыми дверями посольской квартиры, Иван Матвеевич мог позволить себе либеральные выходки. Так, например, дразня пятилетнего сына Матвея, «ярого роялиста», он играл на фортепьяно знаменитую «Марсельезу», революционный французский гимн, – чем доводил сына до слез [Муравьев-Апостол 1922, с. 19].

Павловское правление Ивану Матвеевичу не нравилось. В частности, его раздражали гатчинцы – офицеры расквартированных в Гатчине воинских частей, которыми командовал, будучи цесаревичем, Павел. Современники отзывались о них как о грубых, необразованных людях, «соре» русской армии, «опричниках» павловского царствования. Иван Матвеевич их тоже не любил: в посольской квартире звучали рассказы об их «проделках», воспроизведенные впоследствии в мемуарах его сына Матвея [Муравьев-Апостол 1922, с. 21].

Но эти разговоры не дошли до Павла: летом 1800 г. 32-летний Иван Муравьев стал тайным советником; чин этот был равен генерал-лейтенанту в армии. Чину соответствовал и новый высокий пост: Павел назначил его вице-президентом Иностранной коллегии.

* * *

Восшествие на престол императора Александра I Иван Матвеевич приветствовал. После убийства Павла в марте 1801 г. он писал российскому послу в Англии Семену Воронцову, что испытывает «избыток радости» по поводу появления в России нового императора, повествовал о «благополучии, которым все теперь пользуются в России» [Два письма 1876, с. 126, 128]. Александр, мечтавший о «вечном мире» в Европе, стремившийся наладить отношения с Англией и Австрией, благоволил Муравьеву: в апреле 1801 г. он был послан в Вену с официальным сообщением о смене монархов на российском престоле.

Миссия оказалась успешной: в июле того же года в рескрипте на имя Ивана Матвеевича император отмечал, что он полностью удовлетворен донесениями из Вены, а деятельность курьера достойна «одобрения». По-видимому, Александр хотел сделать Ивана Матвеевича, уже Муравьева-Апостола, послом в Австрии, в рескрипте он утверждал, что «счел полезным» для службы оставить его в Вене «вплоть до… нового распоряжения» [Внешняя политика 1960, с. 57–58].

Однако назначение в Вену не состоялось: Иван Муравьев-Апостол стал посланником в Мадриде. Мнение о нем как о дипломате у Александра I и его окружения было невысоким: назначение в Мадрид было явным понижением по сравнению с должностью вице-президента Иностранной коллегии.

В начале правления Александра I российско-испанские отношения были ровными: по мнению императора, интересы России «никоим образом» не находились «в противоречии с интересами Испании» [Внешняя политика 1960, с. 214]. Руководивший в тот момент Иностранной коллегией граф Виктор Кочубей, доверенное лицо молодого императора, утверждал, что Муравьев-Апостол назначен в Мадрид постольку, поскольку эта страна России «безразлична» [Внешняя политика 1960, с. 187].

Впрочем, вскоре стало ясно, что «вечного мира» в Европе не получилось. В августе 1802 г. Наполеон был избран пожизненным консулом, несколько месяцев спустя вновь обострились отношения между Францией и Англией. В марте 1804 г. по приказу Наполеона был расстрелян герцог Энгиенский, принц крови, захваченный на территории Бадена. В мае 1804 г. Наполеон стал императором; в декабре прошла его коронация. Стало ясно, что войны не избежать.

Эти события сразу же отразились на Испании: на нее оказывали давление и Франция, и Англия. «Бонапарт, считавший Испанию своим безоговорочным союзником, полагал, что она во всем должна подчиняться его “наполеоновским планам”, даже если ради этого ей придется пойти на большие жертвы. Сама Испания мало интересовала Францию с военной точки зрения –

первый консул требовал от мадридского двора денег и права распоряжаться испанскими портами». Англия же, со своей стороны, ждала от Мадрида нейтралитета, сторонником нейтралитета был и испанский генералиссимус Мануэль Годой, обладавший почти неограниченной властью в стране [История Испании 2014, с. 274]. Но в октябре 1804 г. английский флот атаковал испанскую эскадру у берегов Португалии, в декабре того же года Испания объявила Англии войну.

Принципиальное решение об отзыве Муравьева-Апостола было принято в Петербурге в феврале 1805 г.: обстоятельства потребовали «направить в эту страну искусного посланника, который придал бы другой оборот делам» [Внешняя политика 1961, с. 117–118].

Матвей Муравьев-Апостол писал в мемуарах, что Годой «вполне доверился русскому посланнику и в сношениях с Наполеоном держался политики, внушаемой ему представителем русского двора» [Муравьев-Апостол 1922, с. 25]. Если эти воспоминания точны, тогда причина отставки Ивана Матвеевича становится понятной: генералиссимус был сторонником нейтралитета, а русскому царю испанский нейтралитет был не нужен. Александр I считал, что эта страна «должна найти свое место среди держав, которые Россия пытается сейчас пробудить от апатии» и присоединиться к борьбе с наполеоновской Францией. Скорее всего, Иван Матвеевич просто не понял, что времена переговоров с Годоем прошли: в российской столице на испанского генералиссимуса уже смотрели как на врага, подозревали, что он «слепо предан французам то ли из страха перед ними, то ли из честолюбия, то ли, наконец, из симпатии к ним». Александр I желал не поддержания отношений с Годоем, а его «устранения» от власти [Внешняя политика 1961, с. 437].

Матвей вспоминал, что его отец, «воротившись в Петербург, явился ко двору, где нисколько не чаемое холодное обращение с ним императора Александра I убедило его в утрате царской милости, – утрате, оставшейся и впоследствии необъяснимой для него». 17 апреля 1805 г. Иван Матвеевич оставил дипломатический пост [Муравьев-Апостол 1922, с. 26; Трошина 2007, с. 26]. При этом семья дипломата – жена и семеро детей – осталась за границей.

* * *

Опала Ивана Матвеевича продолжалась долго, целых 19 лет. Только в 1824 г. он стал сенатором и членом Главного правления училищ. Созданное еще в 1803 г., оно занималось формированием государственной политики в области образования.

Согласно мнению исследователей, на новых должностях Иван Муравьев-Апостол «проявил себя как независимый и умный полемист, боровшийся против рутины и косности» [Трошина 2007, с. 125]. Эта характеристика верна

лишь отчасти. Став сенатором в 57 лет, Иван Матвеевич – европейски образованный человек, известный писатель, бывший дипломат – не был сторонником насаждавшегося в России середины 1820-х годов обскурантизма. Однако его борьба «против рутины и косности» была очень осторожной: мнения свои он выражал, согласуясь с раскладом политических сил, успешно лавируя между разными политическими группами.

Сохранилось несколько служебных записок, которые Иван Матвеевич подавал по должности.

Одна из них касалась обсуждавшегося в Главном правлении училищ вопроса, следует ли запретить университетским профессорам в обход обычной цензуры получать иностранные книги; право это профессорам было дано императорскими указами. При обсуждении этого вопроса Иван Матвеевич заявил, что запрет только оскорбит профессоров, и что «после этого ни один профессор не останется у нас, да и не может остаться» [Сухомлинов 1889, с. 485, 486].

Однако запрету выписывать книги воспротивился не только Иван Матвеевич. Против высказались многие члены Главного правления училищ, и высказывание Муравьева-Апостола было далеко не самым радикальным [Сухомлинов 1889, с. 483, 481].

Еще одна дошедшая до нас служебная записка Ивана Матвеевича называлась «О преподавании философии». Она связана с инициативой известного обскуранта Михаила Магницкого, попечителя Казанского учебного округа, запретить в России преподавание философии. По мнению Магницкого, философия, под которой понимался весь комплекс социальных и политических наук, противоречит Священному Писанию и ведет к возникновению вольнодумства [Емельянов 2014, с. 269, 270].

От каждого из членов Главного правления училищ требовалось письменное заключение по этому поводу. Иван Матвеевич написал, что следует «наблюдать над образом преподавания философских наук, а не останавливать их, наблюдение наше должно быть отеческое, а не полицейское, ибо сие последнее в науках никогда ничего доброго не производило». Но при этом Иван Матвеевич проявил осторожность: «Желал бы я, чтобы философия преподавалася у нас не на русском, а на латинском языке», – писал он [Муравьев-Апостол 2002, с. 183, 186, 187].

Мнение Муравьева-Апостола опять-таки оказалось не самым радикальным. В итоге Главное правление училищ сочло, что «курс философских наук» «необходим в наших высших учебных заведениях», однако преподавание этого курса следует «очистить» «от нелепостей новейших философов». Идея же преподавать философию на латыни принята не была [Емельянов 2014, с. 280].

Пожалуй, самое громкое дело, в обсуждении которого Иван Муравьев-Апостол принял участие, было «дело Госнера», стоившее поста министру духовных дел и народного просвещения Александру Голицыну.

Отставка Голицына была следствием сложных интриг, инициированных его врагом при дворе графом Алексеем Аракчеевым и Санкт-Петербургским митрополитом Серафимом. Антиголицынскую интригу поддержал и обскурант Магницкий. Поводом же для отставки стала книга Иоганна Евангелисты Госнера, католического проповедника-сектанта, «Дух жизни и учения Иисуса Христа в Новом Завете. Евангелие от Матфея». Книга была переведена на русский язык и – с одобрения светской цензуры – печаталась в типографии журналиста Николая Греча.

Книга была выкрадена из типографии Греча; Серафим предоставил ее – с соответствующими комментариями – императору Александру. Императору было объяснено, что книга направлена на разрушение основ христианской веры и является частью «обширного революционного заговора» во главе с Голицыным [Кондаков 2005, с. 291].

Император отправил Голицына в отставку, его место занял Александр Шишков, сторонник Аракчеева. Госнер был выслан из России. Под суд попали и Греч, и пропустивший книгу цензор Александр Бируков, и начальник департамента народного просвещения в министерстве Голицына Василий Попов, «поправлявший» перевод Госнера. При этом дело Попова рассматривал Сенат – высшая судебная инстанция России. И хотя сенаторы были склонны признать вину Попова, Иван Матвеевич, напротив, заявлял о его невиновности – и свое мнение выразил письменно.

В Попове Муравьев-Апостол не увидел «умышленного преступника», поскольку цензуру книга прошла до того, как чиновник взялся «поправлять» ее слог, от оригинала его правка не отступала, а закона или даже предписания, «возбраняющего директорам народного просвещения» редактировать книги, не существует [Муравьев-Апостол 2002, с. 176–180].

Иван Матвеевич совершил смелый поступок: его мнение резко отличалось от мнения и всесильного Аракчеева, и Шишкова [Шишков 1870, с. 241]. Новый министр опровергал Ивана Матвеевича не только в письмах, но и в Сенате, и на заседаниях Государственного совета. Но осудить Попова не удалось: в 1826 г. и он, и Бируков, и Греч были оправданы.

Однако и в данном случае Муравьев-Апостол рассчитал все правильно. Голицын лишился министерского поста, но не лишился дружбы с императором. Александр I доверял Аракчееву, но был далек от того, чтобы во всем поддерживать Шишкова. Новый министр «приходил в отчаяние, видя, что государь не принимает никаких мер к спасению тронов и алтарей и к преследованию книг и книжонок, на которые обращались громы его мрачных докладов». По воспоминаниям цензора Александра Никитенко, после того, как Шишков рассказал императору о мнении Ивана Матвеевича, «государь выслушал его благосклонно, а между тем тайком позвал к себе Муравьева и благодарил за защиту Попова» [Никитенко 1955, с. 554].

Подавая мнение о невиновности Попова, Иван Матвеевич оставлял себе путь к отступлению – на тот случай, если обстоятельства сложатся не так, как ему бы хотелось. Рассуждая о Попове, он не ставил под сомнение «зловредность» книги Госнера. Попов же, «директор департамента народного просвещения, занимавшийся поправлением такого рода книги, чрез одно уже обличает себя человеком, совершенно неспособным к тому месту, которое он занимал», – утверждал Иван Матвеевич [Муравьев-Апостол 2002, с. 180].

Не случись катастрофы 1825–1826 гг., уделом Ивана Муравьева-Апостола была бы жизнь опытного и осторожного сенатора, который мог, конечно, спорить и не соглашаться с себе подобными, но во всех служебных делах ориентировался на высшее начальство.

* * *

Особая тема, всегда волновавшая исследователей, – взаимоотношения отца с сыновьями-декабристами. Большинство тех, кто изучал эти взаимоотношения, констатировали: хотя Иван Матвеевич был обладателем «крутого, деспотического» характера и «эпикурейского равнодушия», он «по-своему любил детей и переживал за них», имел на них «большое влияние» [Медведская 1970, с. 8, 11; Эйдельман 1975, с. 320–321; Трошина 2007, с. 154].

Многочисленные сохранившиеся письма Муравьевых-Апостолов действительно рисуют образ вполне благополучной дворянской семьи. В этой семье сыновья любили и уважали отца, советовались с ним, сверяли с его мнением буквально каждый шаг собственной жизни. Отец же вникал в их проблемы, помогал советами, как мог заботился о них.

В переписке с Иваном Матвеевичем сын Сергей называл его по-русски «любезным папенькой», вспоминал о беседах с отцом, в которых «находил так много удовольствия», слушая «итоги» его «размышлений и опыта». Сергей подробно рассказывал о себе, своем образе жизни, служебных занятиях, душевном состоянии, характеризовал друзей и знакомых, благодарил за присылку нужных в хозяйстве вещей. Сын благодарил отца и за то, что тот «почти с каждой почтой» посылал ему книги, журналы и газеты, удовлетворяющие его «любознательность» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 18. 1-я эксп. 1843 г. Д. 185. Л. 62 об.; Медведская 1970, с. 9].

Сергей обсуждал с отцом политические новости, в частности, революционные события в Греции и Испании, переводил его книгу «Путешествие по Тавриде в 1820 году» на французский язык, считал «Путешествие» произведением «совершенно нового жанра на нашем языке», судьба книги очень волновала сына [Медведская 1970, с. 9–10; Трошина 2007, с. 117–118, 156–157].

Периодически в семье Муравьевых-Апостолов, как и во всякой семье, возникало недопонимание, но всякий раз оно разрешалось миром. Взрослые

сыновья были зависимы от отца финансово, постоянно просили денег, которые, по-видимому, не всегда получали. Однако поведение отца по отношению к сыновьям в данном случае не было чем-то из ряда вон выходящим: сыновья были взрослыми, вполне могли сами себя обеспечивать – и помощь им со стороны отца была сугубо добровольной. Разногласия на финансовой почве вполне укладывались в традиционные формы взаимоотношений в дворянских семьях Александровской эпохи.

О том, что отношения отца и сыновей можно охарактеризовать словом «конфликт», и конфликт этот имел прежде всего общественно-политические причины, впервые внятно написал молодой исследователь А.М. Люстров [Люстров 2020]. Исследователь прав: семейной идиллии, выраженной прежде всего в письмах, противоречит множество источников. Несмотря на интенсивную переписку, Ивана Матвеевича мало интересовала жизнь детей – его интересовали собственные «наслаждения». Даже о том, что Сергей усыновил двоих детей, и дети эти живут в Хомутце, он узнал только в январе 1826 г. Сын сообщил ему эту новость, уже находясь в тюрьме [Муравьев-Апостол 1887, с. 51].

В 1814 г. Иван Матвеевич писал Гавриле Державину, что хочет «вырастить» «детей, достойных быть русскими, достойных умереть за Россию» [Державин 1871, с. 298]. Мимо этой фразы не мог пройти ни один исследователь, писавший об Иване Муравьеве-Апостоле.

Высказывание это поражает своей неискренностью: Матвей и Сергей к моменту написания письма давно воевали с французами; Матвей за год до написания письма был тяжело ранен под Кульмом. Конечно, они уже не нуждались в «выращивании» и сами были готовы «умереть за Россию». Третий сын, Ипполит, тогда девятилетний, в «выращивании» как раз нуждался – но отец предпочел устраниться от его воспитания. Четвертый сын, Василий, рожденный во втором браке, появился у Ивана Матвеевича через три года после написания письма.

Интерес к реальной жизни сыновей не проснулся у Муравьева-Апостола и впоследствии: Матвей и Сергей почти десять лет состояли в антиправительственном заговоре, в 1825 г. к ним присоединился Ипполит. Сергей, рассказывавший Ивану Матвеевичу в письмах о том, сколь важны ему отцовские назидательные беседы, руководил этим заговором, возглавил военный мятеж и был казнен. Между «любезным папенькой» и детьми существовала мировоззренческая пропасть, которую наслаждавшийся жизнью сенатор просто не заметил.

Иван Муравьев-Апостол был либералом – но постольку, поскольку либерализм не мешал его собственному благополучию. Реформатором, а тем более революционером он, конечно, не был. Более того, сенатор утверждал, что в России «не было революции и не будет ее, потому что народ наш одарен лучшею философиею – здравым смыслом, который беспрестанно твердит ему, что он под отеческим правлением благоденствует и что от добра добра

не ищут». «А если бы и случилося немного воспаленных мозгов, то что они значат? они одиноки, они отверженные, они ни одной точки соединения с целым обществом не имеют; да такое заблуждение их не есть, так сказать, домашнее: оно ввезено, как моды, и так же преходяще, как они», – развивал свою мысль Иван Матвеевич [Муравьев-Апостол 2002, с. 185].

Сын же его Сергей вовсе не считал российских революционеров, в том числе себя и братьев, одинокими и отверженными, он не собирался жить по пословице «от добра добра не ищут». По мнению Сергея Муравьева-Апостола, источниками «революционных мнений в России» были «трехлетняя война, освободившая Европу от ига наполеонова», «введение представительного правления в некоторые государства; сочинения политические, беспрестанно являющиеся в сию эпоху и читаемые с жадностию молодежью; дух времени, наконец, обративший умы к наблюдению законов внутреннего устройства государств». Убеждение Сергея заключалось в том, что распространение революционных мыслей «следовало обыкновенному и естественному порядку вещей» [Муравьев-Апостол 1927, с. 273].

Никаких документов, свидетельствующих о том, что «либеральствующий аристократ» до 1826 г. хоть в какой-то мере был осведомлен о двойной жизни сыновей, не существует. Между тем, по словам Александра Пушкина, «о заговоре кричали по всем переулкам», не знали о нем только «полиция и правительство» [Пушкин 1928, с. 3]. Впоследствии же выяснилось, что и правительство, и полиция о заговоре тоже знали. Иван Матвеевич, сенатор, постоянно вращавшийся в свете, лично знакомый со многими деятелями тайных обществ и их семьями, не знать о заговоре мог только в том случае, если не хотел о нем знать.

После приговора сенатор искал – и нашел – виноватого в гибели сыновей. Им оказался племянник Никита, сын Михаила Муравьева, покойного двоюродного брата Ивана Матвеевича. До конца 1825 г. отношения между Никитой и «дядюшкой» были теплыми и родственными. Однако в конце 1826 г. Иван Матвеевич сумел довести до сведения приговоренного к длительному каторжному сроку племянника свое негодование. Никита с горечью писал жене, что «дядюшка», который прежде относился к нему «очень дружелюбно», теперь, «должно быть», настроен против него. Оправдываясь, он объяснял: мысль о создании тайного общества «пришла к нам одновременно, и ни один из нас не увлек другого» [Муравьев 2000, с. 243]. Никита говорил правду: его роль и в организации, и в деятельности тайных обществ была вполне сопоставима с ролями Матвея и Сергея.

Иван Матвеевич ничего не сделал для того, чтобы катастрофы, случившейся в его семье, не произошло. Эгоизм ослепил его: во второй, главной, конспиративной жизни сыновей для отца места не было – и Никита Муравьев был тут совершенно не при чем.

* * *

Этически наиболее сложный для исследователя вопрос – вопрос о том, как сенатор пережил события конца 1825 – начала 1826 г. Поступок детей сломал столь тщательно выстроенную карьеру «любезного папеньки», из «любимца счастия» он в одночасье превратился в изгоя. Новый император, Николай I, родственников заговорщиков не преследовал. Однако дети Ивана Матвеевича оказались среди главных, наиболее опасных для власти преступников, и по-прежнему жить в России, а тем более и «присутствовать» – как будто ничего не случилось – в Сенате Иван Муравьев-Апостол не смог.

В мае 1826 г. Иван Матвеевич был «уволен по болезни в чужие края» и уехал из России вместе с женой и младшими детьми [Трошина 2007, с. 30, 176]. О приговоре Матвею и Сергею он узнал уже за границей.

Немецкий историк Иоганн Генрих Шницлер в конце 1840-х годов писал, что сенатор был буквально «убит» «катастрофою с его сыновьями». «Увы, он еще жив!», – восклицал Шницлер и добавлял, что, уехав, отец находится «далеко от отечества, где не дозволено ему было бы чтить память сыновей своих, подпавших мечу законов!» [Русские достопамятные люди 1892, с. 460; Schnitzler 1847, p. 17–18, 34–35].

Подтверждение точки зрения Шницлера найти несложно. Известно, что до отъезда отец навещал сыновей в тюрьме, передавал им вещи, а «по случаю событий 14 декабря 1825 года» сочинил элегию на греческом языке. В элегии речь шла про «три лавра», которые лирический герой посадил и за которыми заботливо ухаживал, но судьба которых оказалась плачевной:

И те, кем могла бы родная обитель
Гордиться… повержены, мертвы во прах:
А грустный тех лавров младых насадитель
Рыдает, полмертвый, у них на корнях

[Капнист-Скалон 2008, с. 416; Муравьев-Апостол 1886, с. 228].

Однако со Шницлером спорил другой современник, известный библиограф Сергей Полторацкий. Полторацкий утверждал, что после событий 1825–1826 гг. Иван Матвеевич «остался, как был всегда, черстводушный ученый и эгоист» и «не был сердечно поражен потерею сыновей». «Видев его в 1846 году в первый раз, я поражен был как свежестью его, так пустою светскою и мелочностью разговора. Убитые отцы… не таковы даже на вид», – писал Полторацкий [Русские достопамятные люди 1892, с. 460].

Точка зрения Полторацкого тоже имеет под собою основания. Попав в тюрьму, Сергей просил отца прислать ему Евангелие и написать «своей рукой на первой странице», что он прощает и благословляет сына. Комментируя эту просьбу, Матвей впоследствии сбивчиво пояснял: «Лица, принадлежавшие тайному обществу, привезенные в Петербург, являлись к Николаю,

который в словах, обращенных к ним, по поводу последних строк этого письма сказал, как кажется, мне и моему брату, что отец нас проклял». Матвей отмечал, что, «зная… своего отца», он «не поверил» императору [Муравьев-Апостол 1887, с. 51]. Но письменного прощения Сергей от отца так и не получил. Публикатор семейной переписки Муравьевых-Апостолов, издатель журнала «Русский архив» Петр Бартенев отмечал, что отец не простил сына «страха ради политического» [Муравьев-Апостол 1887 а, с. 320].

Как на самом деле Иван Матвеевич пережил трагедию, сказать сложно. Очевидно, что он – как любой человек на его месте – вряд ли мог отнестись равнодушно к самоубийству Ипполита, публичной казни Сергея и суровому приговору Матвея. Однако источники не позволяют однозначно судить о том, что в итоге взяло верх: горе отца или стремление «наслаждаться».

Писатель, бывший дипломат и отставной сенатор Иван Матвеевич Муравьев-Апостол скончался 12 марта 1851 г. в Петербурге.

Библиография

АВПРИ МИД. Ф. 45. Оп. 45 / 1. 1798 г. Д. 634.

Бибикова А. Из семейной хроники // Исторический вестник. 1916. Т. 146. № 11. С. 404–426.

Булгарин Ф.В. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. 783 с.

Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Захаров, 2003. Кн. 2. С. 610–1358.

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия I: 1801–1815 гг. Т. 1: Март 1801 г. – апрель 1804 г. М.: Госполитиздат, 1960. 800 с.

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия I: 1801–1815 гг. Т. 2: Апрель 1804 г. – декабрь 1805 г. М.: Госполитиздат, 1961. 744 с.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 18. 1-я эксп. 1843 г. Д. 185.

ГАРФ. Ф. 1002. Оп. 1. Д. 1.

Громова Т.Н. Литературные взаимоотношения И.М. Муравьева-Апостола и В.В. Капниста // Русская литература. 1974. № 1.

Два письма И.М. Муравьева-Апостола из Санкт-Петербурга в Лондон к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1876. № 1. С. 122–128.

Державин Г.Р. Сочинения. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1871. Т. 6. 905 с.

Емельянов Б.В. Дело «О вредном преподавании философских наук» // Вече. 2014. № 26. С. 268–280.

Иголкин И.Ю. Российско-французские отношения в конце XVIII – начале XIX вв. Дисс. на… канд. ист. наук. Воронеж, 2010. 207 с.

История Испании. М.: Индрик, 2014. Т. 2. 871 с.

Капнист-Скалон С.В. Воспоминания // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М.: ГПИб, 2008. Т 1. С. 328–473.

Кондаков Е.Ю. Либеральное и консервативное направление в религиозных движениях в России первой четверти XIX в. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 343 с.

Кошелев В.А. О жизни и сочинениях И.М. Муравьева-Апостола // Муравьев-Апостол И.М. Письма из Москвы в Нижний Новгород. СПб.: Наука, 2002. С. 191–230.

Кубасов И.А. Драматические опыты И.М. Муравьева-Апостола (посвящается А. Д. К.) // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1903. Т. VIII. Кн. 4. С. 304–319.

Кубасов И.А. И.М. Муравьев-Апостол, автор «Писем из Москвы в Нижний Новгород» // Русская старина. 1902. № 10. С. 87–104.

Кузьменко А.Ю. Іван Матвійович Муравйов-Апостол. Нарис життя и творчості. Київ: Видавництво Київського університету, 1964. 115 с.

Люстров А.М. Семейный миф в русской культуре первой половины XIX в.: Муравьевы-Апостолы. Курсовая работа студента третьего курса Высшей Школы экономики, образова тельная программа «филология». Рукопись. М., 2020. 32 с.

Материалы об имущественном положении декабристов // Восстание декабристов. Документы. М.: РОСПЭН, 2016. 776 с.

Медведская Л.А. Сергей Иванович Муравьев-Апостол. М.: Просвещение, 1970. 176 с.

Муравьев М.А. Записки // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1994. Т. V. С. 7–81.

Муравьев Н.М. Письма декабриста. 1813–1826 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 310 с.

Муравьев-Апостол И.М. Письма из Москвы в Нижний Новгород. СПб.: Наука, 2002. 271 с.

Муравьев-Апостол И.М. Элегия, сочиненная им на греческом языке по случаю событий 14 декабря 1825 года // Русский архив. 1886. № 2. С. 227–228.

Муравьев-Апостол М.И. Воспоминания и письма. Пг.: Былое, 1922. 96 с.

Муравьев-Апостол С.И. Письма // Русский архив. 1887а. № 3. С. 315–320.

Муравьев-Апостол С.И. Письмо к отцу от 21 января 1826 г. Предсмертные размышления. Письмо накануне казни к брату его, Матвею Ивановичу // Русский архив. 1887. № 1. С. 47–54.

Муравьев-Апостол С.И. Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 227–412.

Несмеянова И.И. Придворный штат великой княгини Екатерины Павловны и принца Георга Ольденбургского (1809–1812) // Magistra Vitae: Электронный журнал по историческим наукам и археологии. Челябинск, 2019. № 1. С. 7–19.

Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. М.: Худож. лит., 1955. Т. 2. 652 с.

Пушкин А.С. Письма. М.; Л.: Госиздат, 1928. Т. 2. 1826–1830. 560 с.

Русские достопамятные люди. Рукопись из собрания С.Д. Полторацкого // Русская старина. 1892. № 6. С. 457–487.

Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: в 2 т. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1889. Т. 1. 671 с.

Трошина М.С. Жизнь и творчество И.М. Муравьева-Апостола. Дисс. на… канд. филол. наук. Ульяновск, 2007. 211 с.

Тьер А. История консульства и империи во Франции. СПб.: тип. К.И. Жернакова, 1846. Т. 1. Ч. 6. 171 с.

Шетарди, Т. де ла. Наставление знатному молодому господину, или Воображение о светском человеке / Переведено с французского на российский язык лейб-гвардии Измайловского полку подпрапорщиком Иваном Муравьевым. СПб.: Печ. при Арт. и инж. шляхет. кадет. корпусе иждивением Х.Ф. Клеэна, 1778. 48 с.

Шишков А.С. Записки, мнения и переписка. Berlin: B. Behr's Buchhandlung, 1870. Т. 2. 464 с.

Эйдельман Н.Я. Апостол Сергей. М.: Политздат, 1975. 365 с.

Эйдельман Н.Я. Удивительное поколение. Декабристы: лица и судьбы. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2001. 376 с.

Schnitzler J.H. Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crise de 1825. Paris: J. Renouard, 1847. Vol. 2. 523 p.

References

AVPRI MID. F. 45. Op. 45 / 1. 1798 g. D. 634.

Bibikova A. Iz semejnoj hroniki. Istoricheskij vestnik [From the family chronicle. Historical Bulletin]. 1916. Vol. 146. N 11. P. 404–426. (In Russ.)

Bulgarin F.V. Vospominanija [Memories]. Moscow: Zaharov, 2001. 783 p. (In Russ.)

Derzhavin G.R. Sochinenija [Essays]. Saint Petersburg: Tip. Imp. Akademii Nauk, 1871. Vol. 6. 905 p. (In Russ.)

Dva pis'ma I.M. Murav'eva-Apostola iz Sankt-Peterburga v London k grafu S.R. Voroncovu. Russkij arhiv. [Two letters of I. M. Muravyov-Apostol from St. Petersburg to London to Count S.R. Vorontsov. Russian Archive]. 1876. N 1. P. 122–128. (In Russ.)

Emel'janov B.V. Delo «O vrednom prepodavanii filosofskih nauk» [The case «On harmful teaching of philosophical sciences»]. Veche. 2014. N 26. P. 268–280. (In Russ.)

GARF. F. 109. Op. 18. 1-ja eksp. 1843 g. D. 185. (In Russ.)

GARF. F.1002. Op. 1. D. 1. (In Russ.)

Gromova T.N. Literaturnye vzaimootnoshenija I.M. Murav'eva-Apostola i V.V. Kapnista [Literary relationship of I.M. Murav'ev-Apostol and V.V. Kapnist]. Russkaja literatura. 1974. N 1. P. 110–115. (In Russ.)

Igolkin I.Ju. Rossijsko-francuzskie otnoshenija v konce XVIII – nachale XIX vv. [Russian-French relations in the late XVIII – early XIX centuries]. Diss. na… kand. ist. nauk. Voronezh, 2010. 207 p. (In Russ.)

Istorija Ispanii [History of Spain]. Moscow: Indrik, 2014. Vol. 2. 871 p. (In Russ.)

Jejdel'man N.Ja. Apostol Sergej. Moscow: Politzdat, 1975. 365 p. (In Russ.)

Jejdel'man N.Ja. Udivitel'noe pokolenie. Dekabristy: lica i sud'by [An amazing generation. The Decembrists: faces and destinies]. St. Petersburg: Izd-vo «Pushkinskogo fonda», 2001. 376 p. (In Russ.)

Kapnist-Skalon S.V. Vospominanija. Vospominanija i rasskazy dejatelej tajnyh obshhestv 1820-h godov [Memories. Memoirs and stories of secret society figures of the 1820 s.] Moscow: GPIb, 2008. Vol. 1. P. 328–473. (In Russ.)

Kondakov E.Ju. Liberal'noe i konservativnoe napravlenie v religioznyh dvizhenijah v Rossii pervoj chetverti XIX v. [Liberal and conservative trends in religious movements in Russia in the first quarter of the XIX century]. St. Petersburg: RGPU im. A.I. Gercena, 2005. 343 p. (In Russ.)

Koshelev V.A. O zhizni i sochinenijah I.M. Murav'eva-Apostola [About the life and writings of I.M. Murav'ev-Apostol]. Murav'ev-Apostol I.M. Pis'ma iz Moskvy v Nizhnij Novgorod [Letters from Moscow to Nizhny Novgorod]. St. Petersburg: Nauka, 2002. P. 191–230. (In Russ.)

Kubasov I.A. Dramaticheskie opyty I.M. Murav'eva-Apostola (posvjashhaetsja A. D. K.) [Dramatic experiments of I.M. Muravyov-Apostol (dedicated to A. D. K.)]. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. Nauk, 1903. Vol. VIII. Iss. 4. P. 304–319. (In Russ.)

Kubasov I.A. I.M. Murav'ev-Apostol, avtor «Pisem iz Moskvy v Nizhnij Novgorod» [I.M. Murav'ev-Apostol, the author of «Letters from Moscow to Nizhny Novgorod»]. Russkaja starina. 1902. N 10. P. 87–104. (In Russ.)

Kuz'menko A.Ju. Ivan Matvijovich Murav'ev-Apostol. Naris zhittja i tvorchosti [Ivan Matveyevich Murav'ev-Apostole. Essay on life and creativity]. Kiïv: Vidavnictvo Kiïvs'kogo universitetu, 1964. 115 p. (In Russ.)

Ljustrov A.M. Semejnyj mif v russkoj kul'ture pervoj poloviny XIX v.: Murav'evy-Apostoly. Kursovaja rabota studenta tret'ego kursa Vysshej Shkoly jekonomiki, obrazovatel'naja programma

«filologija». Rukopis' [Family myth in Russian culture of the first half of the XIX century: The Murav'evs-Apostoles. Course work of a third-year student of the Higher School of Economics, educational program «Philology». The manuscript]. Moscow, 2020. 32 p. (In Russ.)

Materialy ob imushhestvennom polozhenii dekabristov. Vosstanie dekabristov. Dokumenty [Materials on the property status of the Decembrists. The Uprising of the Decembrists]. Moscow: ROSPJeN, 2016. 776 p. (In Russ.)

Medvedskaja L.A. Sergej Ivanovich Murav'ev-Apostol. M.: Prosveshhenie, 1970. 176 p. (In Russ.)

Murav'ev M.A. Zapiski. Rossijskij Arhiv: Istorija Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv.: Al'manah [Notes // Russian Archive: The history of the Fatherland in certificates and documents of the XVIII–XX centuries: Almanac]. Moscow: Studija TRITJe; Ros. Arhiv, 1994. Vol. V. P. 7–81. (In Russ.)

Murav'ev N.M. Pis'ma dekabrista [Letters of the Decembrist]. 1813–1826 gg. Moscow: Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2000. 310 p. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol I.M. Jelegija, sochinennaja im na grecheskom jazyke po sluchaju sobytij 14 dekabrja 1825 goda. [An elegy composed by him in Greek on the occasion of the events of December 14, 1825]. Russkij arhiv. 1886. N 2. P. 227–228. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol I.M. Pis'ma iz Moskvy v Nizhnij Novgorod [Letters from Moscow to Nizhny Novgorod]. St. Petersburg: Nauka, 2002. 271 p. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol M.I. Vospominanija i pis'ma [Memoirs and letters]. Petrograd: Byloe, 1922. 96 p. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol S.I. Pis'ma [Letters]. Russkij arhiv. 1887a. N 3. P. 315–320. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol S.I. Pis'mo k otcu ot 21 janvarja 1826 g. Predsmertnye razmyshlenija. Pis'mo nakanune kazni k bratu ego, Matveju Ivanovichu [Letter to his father, January 21, 1826. Deathbed reflections. A letter on the eve of his execution to his brother, Matvey Ivanovich]. Russkij arhiv. 1887. N 1. P. 47–54. (In Russ.)

Murav'ev-Apostol S.I. Sledstvennoe delo. Vosstanie dekabristov. Materialy [Criminal case. Decembrist uprising. Documents]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1927. Vol. 4. P. 227–412. (In Russ.)

Nesmejanova I.I. Pridvornyj shtat velikoj knjagini Ekateriny Pavlovny i princa Georga Ol'denburgskogo (1809–1812) [Court staff of Grand Duchess Ekaterina Pavlovna and Prince George of Oldenburg (1809–1812)]. Magistra Vitae: Jelektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii. Cheljabinsk, 2019. N 1. S. 7–19.

Nikitenko A.V. Dnevnik [Diary]: v 3 t. Moscow: Hudozh. lit., 1955. Vol. 2. 652 p. (In Russ.)

Pushkin A.S. Pis'ma [Letters]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1928. Vol. 2. 1826–1830. 560 p. (In Russ.)

Russkie dostopamjatnye ljudi. Rukopis' iz sobranija S.D. Poltorackogo [Russian memorable people. A manuscript from the collection of S.D. Poltoratsky]. Russkaja starina. 1892. N 6. P. 457–487. (In Russ.).

Schnitzler J.H. Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crise de 1825. Paris: J. Renouard, 1847. Vol. 2. 523 p.

Shetardi, T. de la. Nastavlenie znatnomu molodomu gospodinu, ili voobrazhenie o svetskom cheloveke / Perevedeno s francuzskogo na rossijskij jazyk lejb-gvardii Izmajlovskogo polku podpraporshhikom Ivanom Murav'evym [A lesson to a noble young gentleman, or the Imagination of a man of the World / Translated from French into Russian by the Life Guards of the Izmailovsky Regiment by sub-ensign Ivan Murav'ev]. St. Petersburg: Pech. pri Art. i inzh. shljahet. kadet. kopuse izhdiveniem H.F. Klejena, 1778. 48 p. (In Russ.)

Shishkov A.S. Zapiski, mnenija i perepiska [Notes, opinions, and correspondence]. Berlin: B. Behr's Buchhandlung, 1870. T. 2. 464 S. (In Russ.)

Suhomlinov M.I. Issledovanija i stat'i po russkoj literature i prosveshheniju. [Research and articles on Russian literature and education]: v 2 t. St. Petersburg: Izd. A.S. Suvorina, 1889. Vol. 1. 671 p. (In Russ.)

T'er A. Istorija konsul'stva i imperii vo Francii [History of the Consulate and Empire in France]. St. Petersburg: Tip. K.I. Zhernakova, 1846. Vol. 1. Ch. 6. 171 p. (In Russ.)

Troshina M.S. Zhizn' i tvorchestvo I.M. Murav'eva-Apostola [The life and work of I.M. Murav'ev-Apostol]. Diss. na… kand. filol.nauk. Ul'janovsk, 2007. 211 p. (In Russ.)

Vigel' F.F. Zapiski [Notes]. Moscow: Zaharov, 2003. Iss. 2. P. 610–1358.

Vneshnjaja politika Rossii XIX i nachala XX veka. Serija I [Russian foreign Policy of the XIX and early XX centuries. Ser. I]: 1801–1815 gg. Vol. 1: Mart 1801 g. – aprel' 1804 g. Moscow: Gospolitizdat, 1960. 800 p. (In Russ.)

Vneshnjaja politika Rossii XIX i nachala XX veka. Serija I [Russian foreign Policy of the XIX and early XX centuries. Ser. I]: 1801–1815 gg. Vol. 2: Aprel' 1804 g. – dekabr' 1805 g. Moscow: Gospolitizdat, 1961. 744 p. (In Russ.)